

Душа зажглася съ изступленьемъ,
 И проглаголаъ мой языкъ:
 «Гдѣ я, гдѣ я? Какихъ условій
 Я былъ торжественнымъ рабомъ?
 Надъ Аполлоновымъ жрецомъ
 Летаеъ демонъ празднословій!
 Я вижу,—злая клевета
 Шипитъ въ пыли змѣинымъ жаломъ,
 И злая глупость, мать вреда,
 Грозитъ мнѣ издали кинжаломъ.
 Я вижу, будто бы во снѣ,
 Фигуры, тѣни, лица, маски.
 Темны, прозрачны и безъ краски,
 Густою цѣпью по стѣнѣ
 Онѣ мелькаютъ въ видѣ пляски...
 Ни па, ни такта, ни шаговъ
 У очарованныхъ духовъ...
 То нитью легкой и протяжной,
 Подобно тонкимъ облакамъ,
 То массой черной, сто-этажной,
 Плывуть, какъ волны по волнамъ...
 Какое чудо! что за видъ
 Фантазмагоріи волшебной!..
 Всѣ тѣни гимнъ поютъ волшебный;
 Я слышу, страшный хоръ гласитъ:
 «О Ариманъ! о грозный царь
 Тѣней, забытыхъ Оризмадомъ!
 Къ тебѣ взываетъ цѣлымъ адомъ
 Твоя трепещущая тварь!..
 Мы не страшимся тяжелой муки:
 Давно, давно привыкли къ ней
 Въ часы твоей угрюмой скуки,
 Подъ звукомъ тягостныхъ цѣпей;
 Съ печальнымъ мѣсячнымъ восходомъ
 Къ тебѣ мы мрачнымъ хороводомъ
 Спѣшимъ, возставши изъ гробовъ,
 На крыльяхъ филиновъ и совъ!
 Сыны родительскихъ проклятій,
 Надежду вживѣ погубя,
 Мы ненавидимъ и себя,
 И злыхъ, и добрыхъ нашихъ братій!..
 Когтями острыми мы рвемъ
 Ихъ изнуренные составы;

